

С полной определенностью, безо всяких «несколько», высказался по этому вопросу М. С. Грушевский. Он считал, что Федоров наряду с руководством техническими процессами в типографии занимался «в значній мірі» и литературно-научной деятельностью.⁵⁷

Первым, кто считал Ивана Федорова редактором первопечатного Апостола, а «может быть, еще и других книг», был И. Е. Евсеев. «Федоров, — писал он, — выбирает и правит текст рукописного служебного Апостола».⁵⁸ В наше время М. Н. Тихомиров считает, что «такая работа (над очищением текста церковных книг от ошибок) могла быть поручена только представителю духовенства, каким и был Федоров».⁵⁹

Таким образом, среди русских и украинских ученых были лица, для которых Иван Федоров был не только исполнителем и руководителем чисто технических производственных процессов в типографии, но и культурным деятелем. Орудием его деятельности был не только печатный станок, но и перо. О том, что Федоров был редактором, свидетельствует тот факт, что свою работу над текстом Апостола он продолжает и во Львове. А о редактировании Острожского Нового завета сам говорит в своем предисловии к нему. Он не только напечатал его: «Да восприимеши сие рукоделие наше от нас боголюбезне, яко прьвыи оwoць от дому печатного своего острожского», — обращается он к князю, но по его принуждению («понуди»), несмотря на свое «тесное разума и недоуменное языка ... совокупих в едину сию вещь» Псалтырь и все книги, в состав Нового завета входящие. «Совокупих», т. е. объединил, все названные книги в одну «вещь». Что это объединение не было механическим воспроизведением в печати неотредактированных рукописей, свидетельствует ссылка Федорова на свой «разум» и «язык» (хотя в соответствии с обычаем времени он характеризует их униженными эпитетами). Для печатания эти свойства не нужны, но для выбора из массы рукописей оригинала для печатания и его исправления они обязательны.

В Москве из-под станка Федорова вышли совершенно новые редакции двух важнейших богослужебных и в то же время учебных книг (последнее относится особенно к Часовнику). Текст изданий столь отличен от предшествующих и современных им рукописных, что это различие не могло остаться незамеченным для читающего или слушающего чтение этих книг во время богослужения. Особенно резкое различие было в Часовнике: вместо молитвы за царей или князей вообще в церковных службах «возносили» молитвы за царя единого, за Иоанна, столь ненавистного остаткам княжья и вообще феодальной знати, за царя, который за несколько месяцев до выхода в свет Часовника учредил опричнину. Все острие ее было направлено именно против этой знати. И уже первые дни опричнины были отмечены казнями нескольких виднейших представителей ее.

Отпечатанные в государственной типографии и принятые церковью, как показывают тексты их последующих изданий, они вводили единообразие в церковную жизнь, в отправление церковных служб, чего так старательно добивался Стоглавый собор.⁶⁰ Они были одним из звеньев в длинной цепи мероприятий в политике Грозного, мероприятий, направленных на полное уничтожение остатков былой феодальной разобщенности Московской Руси. Наряду с такими мероприятиями, как канониза-

⁵⁷ М. Грушевський. Історія України-Русі, т. VI. Київ—Львів, 1907, стр. 490.

⁵⁸ И. Е. Евсеев. Очерки по истории славянского перевода Библии, Пгр., 1916, стр. 146.

⁵⁹ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания, стр. 91.

⁶⁰ А. Дмитриевский. Богослужение в русской церкви в XVI в., ч. I. Казань, 1884, стр. III.